

образом обстоит дело и с некоторыми стихотворениями, имеющими вполне светский характер.

Смерть «грешного Степана», скончавшегося предположительно в середине 1805 года,

положила конец пополнению его «книги», и десять ее листов так и остались пустыми. Где она в дальнейшем хранилась, неизвестно. Нет сведений и о том, кто и когда точно передал ее в Рукописный отдел Пушкинского Дома.

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-2-241-243

© О. А. Лекманов

ЭПИЗОД БИОГРАФИИ О. Э. МАНДЕЛЬШТАМА: ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ

Как известно, в 1913 году Мандельштам «до того бурно увлекся кубофутуристами, что едва не перешел в их группу».¹ Практическим следствием этого увлечения стало, кажется, единственное публичное выступление поэта вместе с участниками кубофутуристической группы «Гилея». Об этом выступлении в интервью В. Д. Дувакину рассказал М. А. Зенкевич: Маяковского «первый раз я увидел на лекции Корнея Ивановича Чуковского, где он читал известную свою статью о футуристах. В это время у нас велись переговоры о блоке между левыми акмеистами и футуристами. И там должен был выступать Мандельштам от акмеистов. Мы с ним вместе кое-что работали к выступлению, но основное он сам все сделал. И вот я пришел на эту лекцию. <...> Они хотели, чтобы туда вошли я, Нарбут и Мандельштам, и тогда соглашались заблокироваться. Посредником был брат Бурлюка, Николай Бурлюк».²

В прекрасно подготовленной летописи жизни и творчества Мандельштама сообщается, что Зенкевич здесь говорит о лекции К. И. Чуковского «Искусство грядущего дня. Русские поэты футуристы», которая состоялась 5 октября 1913 года в зале Тенишевского училища.³ Однако это не совсем так. Название

лекции указано правильно, а дата и место ее проведения — нет. Дело в том, что 4 ноября 1913 года Чуковский еще раз прочитал свою лекцию, на этот раз — в Женском медицинском институте, и Мандельштам присутствовал именно там. Доказательство очень простое: на вопрос Дувакина о месте проведения лекции Зенкевич отвечает так: «На Женских медицинских курсах — это я хорошо помню — на Петербургской стороне».⁴ Женский медицинский институт, действительно, располагался на Петербургской стороне, по адресу: Архирейская улица, д. 6–8 (ныне — ул. Льва Толстого).

В двух газетных отчетах о лекции Чуковского и диспуте, который был устроен после нее, выступление Мандельштама, к сожалению, не отреферировано. В одном отчете издевательски пересказываются реплики Маяковского и Крученых, а затем сообщается: «...течение футуристического диспута превращается в бесконечные и нудные пререкания между противниками и сторонниками футуристов. <...> В такой атмосфере „скандализованного успеха“ выступили еще два-три адепта футуризма от учащейся молодежи».⁵ Второй отчет столь же лаконичен: «Говорили еще несколько футуристов из молодых. Слушатели добродушно аплодировали, раздавался смех, прерываемый изредка свистом <...> Выступавшие футуристы были именно те футуристы, над которыми не следует задумываться, и лекции о которых абсолютно не нужны».⁶

Как это часто бывает, основная полемика на диспуте развернулась вокруг финального, ударного пассажа лекции-статьи Чуковского.

фа, Д. Зубарева, Е. Лубянской, П. Минцера. СПб., 2019. С. 63.

⁴ Осип и Надежда Мандельштамы в рассказах современников. С. 29.

⁵ [Б. п.]. Среди футуристов // День. 1913. № 303. 8 нояб. С. 3.

⁶ Михайлов С. Диспут футуристов // Театр и жизнь. 1913. 9 нояб. № 184. С. 11.

¹ Иванов Г. Осип Мандельштам // Иванов Г. Собр. соч.: В 3 т. М., 1994. Т. 3. С. 619.

² Осип и Надежда Мандельштамы в рассказах современников / Вступ. статья, подг. текстов, сост. и комм. О. Фигурнова, М. Фигурнова. М., 2002. С. 26–27. См. также письмо В. Нарбута М. Зенкевичу от 17 декабря 1913 года (Владимир Нарбут: 16 писем к Михаилу Зенкевичу / Публ. и подг. текста М. Котовой и О. Лекманова; прим. О. Лекманова // «Сохрани мою речь...». М., 2008. Вып. 4/1. С. 85–86). Николай Бурлюк был, с одной стороны, кубофутуристом, а с другой — участником первого «Цеха поэтов».

³ Летопись жизни и творчества О. Э. Мандельштама. 3-е изд., испр. и доп. / Сост. А. Мец, при участии С. Василенко, Л. Видго-

Вот как он выглядит в опубликованном варианте: «И когда я всматриваюсь в этих новаторов, в их надрывную нервическую скачку за какой-то завтрашней секундой, — хотя секунда есть только секунда, — мелькнула, и вот ее нет! — я вспоминаю другого поэта, любимого моего Уолта Уитмена, библейски величавого барда, циклопического старца-пророка, который много десятилетий назад сподобился встать пред миром, как первый поэт-футурист, первый предвестник грядущего, — не грядущих секунд, а веков! — и отпечател в своем творчестве молитвы, чаяния, страсти и верования будущей неотвратимой эпохи, воплотив ее всю в изумительном единственном слове, о котором почему-то позабыли наши эго- и кубопэты, — в титаническом слове: демократия. Демократия! только в ней наш удел, только в ней наше неизбежное будущее, наш истинный футуристический быт. Но, конечно, его футуризм возник не в шелковой Желтой гостиной, а в сутолоке демократических толп, где нет ни озерзамков, ни бриллиантовых тронов, ни виконтесс-кокотесс!»⁷

На этот упрек и ответил первый участник диспута, чье выступление Зенкевич охарактеризовал так: «Маяковский как-то сразу врезался в нее и нарушил весь ход блестящей лекции Корнея Ивановича Чуковского, чем, мне кажется, тот был не совсем доволен».⁸ Приведем и соответствующий фрагмент одного из газетных отчетов: «Первым говорит футурист в желтой кофте г. Маяковский, поставивший Чуковскому вопрос „ребром“: „Да понимаете ли вы, г. Чуковский, что такое поэзия, что такое искусство и демократия? Поэзия — это то, — в тоне гордого презрения возвещает г. Маяковский, — что разрушает вековые ценности, которыми гордится старая культура. И только та поэзия демократична, которая разрушает старую психологию плоских лиц и душ“».⁹

Выступивший следом Крученых «в свою очередь что-то несвязно бормотал о демократии и прочел к удовольствию аудитории пародию на самого г. Чуковского, в которой он превратил его в пристава».¹⁰ Приведем фрагмент этой пародии-импровизации, как она отразилась в газетном отчете:

Чуковский — пристав
Занялся читкой
И ловлей прыткой,
Носат, неистов.
Из голенища
Берет узду,

⁷ Чуковский К. Эго-футуристы и кубофутуристы // Литературно-художественные альманахи издательства «Шиповник». 1914. Кн. 22. С. 154.

⁸ Осип и Надежда Мандельштамы в расказах современников. С. 26.

⁹ [Б. п.]. Среди футуристов. С. 3.

¹⁰ Михайлов С. Диспут футуристов. С. 11.

Уитмен — пища.

Закончил езду...¹¹

В этот контекст и должна быть вписана единственная приведенная в интервью Зенкевича реплика из мандельштамовского выступления на диспуте: «...на лекции Чуковского было первое наше с ними совместное выступление. Тут теоретически, не только со стихами выступал Мандельштам. Он ко мне прибежал и говорил: „Я у них был... я их видел... Это такая богема, богема, знаешь... Я заново переписал свое выступление...“ — и так далее. И вот он там выступал. По-другому уже выступал, знаете, как он обычно — с апломбом несколько таким. Об акмеизме говорил... Ну вот, против Чуковского тоже высказывался, что он Уитмена... „А Уитмен, — говорит, — это человек, который... идет и раскланивается с явлением, снимает шляпу и идет дальше“».¹²

Проделанная краткая реконструкция, как кажется, позволяет предложить вариант ответа на напрашивающийся и интригующий вопрос: а с какими конкретными поэтическими текстами Мандельштам собирался примыкать к группе кубофутуристов? Или, формулируя чуть по-иному: какие поэтические тексты Мандельштама 1913 года отразили его увлечение поэзией и/или риторикой кубофутуристов?¹³

Напомню сначала, что о великом американском поэте Уолте Уитмене Мандельштам высказался не только на диспуте после лекции Чуковского, но и в позднейшей статье «О природе слова» (1922): «Америка, растратив свой филологический запас, вывезенный из Европы, как бы ошалела и призадумалась и вдруг завела свою собственную филологию, откуда-то выкопала Уитмена, и он, как новый Адам, стал давать имена вещам, дал образец первобытной, номенклатурной поэзии, под стать самому Гомеру».¹⁴

Нельзя ли предположить, что стихотворением о новой Еве, написание которого отчасти спровоцировал диспут после лекции Чуковского, стала «Американка» Мандель-

¹¹ [Б. п.]. Среди футуристов. С. 3. Полный текст этой газетной заметки и пародии см. также в издании: Крусанов А. В. Русский авангард. 1907–1932. Исторический обзор: В 3 т. М., 2010. Т. 1. Боевое десятилетие: В 2 кн. Кн. 2. С. 238–239.

¹² Осип и Надежда Мандельштамы в расказах современников. С. 28.

¹³ Г. Иванов вспоминал: «...он начал писать — задолго до Пастернака и в сто раз хуже — собственного „Лейтенанта Шмидта“ рублеными рифмами Маяковского. Но, опомнившись и вернувшись в лоно „Цеха“, он уничтожил его» (Иванов Г. Осип Мандельштам. С. 619).

¹⁴ Мандельштам О. Полн. собр. соч. и писем: В 3 т. М., 2009. Т. 1. С. 73.

штама, датированная 1913 годом?¹⁵ В этом стихотворении как бы скорректирован ключевой тезис выступления Маяковского 4 ноября 1913 года («Поэзия — это то, что разрушает вековые ценности, которыми гордится старая культура»). Мандельштамовская дикарка-американка не стремится разрушить вековые ценности старой культуры, а напротив, трогательно и чуть комически хочет приобщиться к ним. При этом она сама в третьей строфе стихотворения ненавязчиво уподобляется одной из таких культурных ценностей. «Прекрасная, как тополь» «океана дочь» «стоит» «в Лувре», вероятно, перед еще одной «океана дочерью» — Афродитой с острова Милос:¹⁶

Американка в двадцать лет
Должна добраться до Египта,
Забыв «Титаника» совет,
Что спит на дне мрачнее крипта.

В Америке гудки поют,
И красных небоскрегов трубы

¹⁵ Впервые напечатано это стихотворение было только в 1920 году, в севастопольском альманахе «Пьяные вишни».

¹⁶ Отмечено в статье: *Милякина А. К* интерпретации стихотворения «Американка» О. Мандельштама // *Русская филология*. 25: Сб. науч. работ молодых филологов. Тарту, 2014. С. 173 (https://www.ruthenia.ru/rus_fil/xxv/Miljakina.pdf; дата обращения: 31.01.2022).

Холодным тучам отдают
Свои прокопченные губы.

И в Лувре океана дочь
Стоит прекрасная, как тополь;
Чтоб мрамор сахарный толочь,
Влезает белкой на Акрополь.

Не понимая ничего,
Читает «Фауста» в вагоне
И сожалеет, отчего
Людовик больше не на троне.¹⁷

Отметим в заключение, что еще Н. И. Харджиев возвел образность второй строфы мандельштамовской «Американки» к первой строфе стихотворения Маяковского все того же, 1913 года, «Кое-что про Петербург»:¹⁸

Слезают слезы с крыши в трубы,
к руке реки чертя полоски;
а в неба свисшиеся губы
воткнули каменные соски.¹⁹

¹⁷ *Мандельштам О.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 1. С. 69–70.

¹⁸ *Харджиев Н. И.* Примечания // *Мандельштам О.* Стихотворения. Л., 1973. С. 262.

¹⁹ *Маяковский В.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 1. С. 43.